

ЗАЙМЕМ ОГНЯ У БАКУНИНА?

ОТ РЕДАКЦИИ Мы поддерживаем намерение автора «Маркса и Бакунина» раздобыться в причинах разногласий между марксистами и анархистами, укрепить единство сторонников всемирной социальной революции. Но, как марксисты, мы не можем вслед за автором обмывать себя над схваткой. И вовсе не потому, что обязаны всегда и везде защищать своего учителя. Напротив, мы признаем Маркса своим учителем, во многом, благодаря тому, что он писал, полемизируя с Бакуниным. Кроме того, мы не уверены, что и сам автор остался верен принципу: не быть адвокатом ни одной из сторон исторического конфликта...

Начнем с того, что уже в начале статьи «Маркс и Бакунин» претензии анархистов к марксистам в трактовке автора выглядят более обоснованными, чем у марксистов к анархам. Но вот в списке претензий («марксистской историографии советского периода» к Бакунину пропущено два важнейших: 1) «главным злом, которое следует устранить, он считает не капитал и, следовательно, не возникшую в результате общественного развития классовую противоположность между капиталистами и наемными рабочими, а государство и 2) «...полное воздержание от всякой политики. Совершать политический акт, в особенности же принимать участие в выборах, - это измена принципу. Надо вести пропаганду, поносить государство, организовываться, и когда, наконец, на твоей стороне окажутся все рабочие, следовательно, большинство, тогда ликвидируются, наконец, все органы власти, отменяется государство и на его место ставится организация Интернационала», «по Бакунину, Интернационал создан не для политической борьбы, а для того чтобы при социальной ликвидации немедленно занять место старой государственной организации». (Из письма Энгельса Теодору Куно в Милан, Лондон, 24 января 1872 г.)

Нельзя согласиться и с мнением автора о неопределенности понятия диктатуры пролетариата у классиков марксизма. Они придавали этому вопросу первостепенное значение. В частности, в письме Вейдемейеру (5 марта 1852 г.) Маркс отмечал: «Что касается меня, то мне не принадлежит ни та заслуга, что я открыл существование классов в современном обществе, ни та, что я открыл их борьбу между собой. Буржуазные историки задолго до меня изложили историческое развитие этой борьбы классов, а буржуазные экономисты - экономическую анатомию классов. То, что я сделал нового, состояло в доказательстве следующего: 1) что существование классов связано лишь с определенными историческими фазами развития производства, 2) что классовая борьба необходимо ведет к диктатуре пролетариата, 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к уничтожению всяких классов и к обществу без классов». Уже отсюда следует, что эта тема в марксизме - одна из краеугольных. По Марксу, именно диктатура классов организованных производителей прибавочной стоимости должна революционно сменить диктатуру буржуазии. Но чем больше будет осуществляться эта замена, тем скорее исчезнет почва для любой политической диктатуры, а сами пролетарии исчезнут как класс, вместе со всеми другими классами. Диктатура пролетариата еще остается государством, так как является орудием классового подавления. Но это уже не будет государство в привычном смысле, так как подавление будет осуществляться не меньшинством эксплуататоров в отношении большинства эксплуатируемых, а как раз наоборот! Именно поэтому такое подавление будет делом несложным и относительно безболезненным. Однако возможно это становится только на базе развитых капитализмом глобальных производительных сил и, соответственно, при высокой культуре пролетариев.

Кстати, Маркс вовсе не противопоставлял диктатуру пролетариата и централизацию. В знаменитой работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарт» он пишет: «Слом государственной машины не подвергает никакой опасности централизацию. Бюрократия есть только низшая и грубая форма централизации, которая еще обременена своей противоположностью, феодализмом» (Маркс К. Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 8, с. 606). Именно централизация контроля над производством и обменом в мировых экономических «столицах» - глобализация - как раз делает возможным наступление всемирного коммунизма! Задача диктатуры пролетариата - не упразднить такую централизацию, а освободить ее от эксплуататорского характера и этим поднять на новую - уже коммунистическую высоту. А такая высота необходимо подразумевает полное самоуправление коммунистических регионов в вопросах их внутренней жизни.

Все это далеко не полный список вопросов, по которым автор «Маркса и Бакунина», на наш взгляд, неточно изложил позицию классиков марксизма или, по сути, даже стал именно адвокатом Бакунина. Кстати, так получилось и в вопросе о «шовинизме» классиков марксизма в отношении малых европейских народов. Будто бы предвидя такое обвинение, Фридрих Энгельс писал: «Мы должны сообща бороться за освобождение западноевропейского пролетариата и этой цели подчинить все остальное. И какой бы интерес ни возбуждали балканские славяне и т. п., но если их освободительные стремления вступают в коллизии с интересами пролетариата, то мне до них совершенно нет дела». (Письмо Э. Бернштейну в Цюрих, Лондон, 22, 25 февраля 1882 г.)

Тут можно вспомнить и одного из самых известных учеников Маркса и Энгельса - Владимира Ленина. Рассматривая тот же самый вопрос, он заметил: «Простая справка с тем, что писали Маркс и Энгельс в 1848-1849 гг., покажет всякому, кто интересуется марксизмом не для того, чтобы отмахиваться от марксизма, что Маркс и Энгельс противопоставляли, тогда прямо и определенно «целые реакционные народы», служащие «русскими форпостами» в Европе, «революционным народам»: немцам, полякам, мадярам. Это факт. И этот факт был тогда бесспорно верно указан: в 1848 г. революционные народы были за свободу, главным врагом которой был царизм, а чехи и т. п. действительно были реакционными народами, форпостами царизма».

Что же говорит нам этот конкретный пример, который надо разобрать конкретно, если хотите быть верным марксизму? Только то, что 1) интересы освобождения нескольких крупных и крупнейших народов Европы стоят выше интересов освободительного движения мелких наций; 2) что требование демократии надо брать в общеевропейском - теперь следует сказать: мировом - масштабе, а не изолированно». («Итоги дискуссии о самоопределении», июль 1916 г.)

Все это и позволяет сделать вывод о том, что раскол в Первом Интернационале между сто-

ронниками Михаила Бакунина и Карла Маркса был далеко не случаен. Он произошел не столько из-за личной неприязни между двумя революционерами, сколько из-за их различных подходов к вопросу свержения капитализма и устройства нового общества.

Уверены, тот, кто подробно ознакомился с трудами Михаила Бакунина согласится, что львиная доля этих работ посвящена политическим и идеологическим вопросам. Ситуация в сферах производства, распределения и обмена - основная и решающая проблематика любого эксплуататорского общества - всегда была для Михаила Александровича на втором плане. Не случайно многие революционные программы он начинает с пункта об отрицании бога. Как будто бог создал эксплуатацию и неравенство, а не, наоборот, подневольная жизнь трудящихся потребовала «опиума народа» и превратила церковь в одну из опор классового общества.

Конечно, в своей главной работе «Государственность и анархия» Бакунин писал: «Его (Прудона - ред.) точка отправления - абстрактная идея права; от права он идет к экономическому факту, а г. Маркс в противоположность ему, высказал и доказал ту несомненную истину, подтвержденную всей прошлой и настоящей историей человечества, народов и государств, что экономический факт всегда предшествует и предшествует юридическому и политическому праву. В изложении и в доказательстве этой истины состоит именно одна из главных научных заслуг г. Маркса». Более того, основанию материализма, т. е. первичности материального мира перед миром идей, Бакунин посвятил вторую часть книги «Кнута-Германская империя и социальная революция». Тем не менее, на деле он остался человеком идеологии и политического лозунга. Тут показательны рассуждения Бакунина в «Революционном катехизисе»: «3. Свобода есть абсолютное право всех взрослых мужчин и женщин не искать чье-либо разрешения на свои деяния, кроме решения своей собственной совести и своего собственного разума, определяться в своих действиях только своей собственной волей и, следовательно, быть ответственными лишь ближайшим образом перед ними, затем перед обществом, к которому они принадлежат, но лишь постольку, поскольку они дают свободное согласие принадлежать к таковому». «Право», «совесть», «разум», «воля» - вот категории, которыми мыслит Михаил Бакунин. Идеи - вот что, по Бакунину, движет историю. Повторим, речь идет не о декларациях, где порой упоминается производство материальной жизни, а о реальном методе, которым пользовался отец анархизма.

Маркс, наоборот, политические и прочие идеи, в целом, считал следствием того, как в обществе организовано материальное производство. Он писал: «Что же такое общество, какова бы ни была его форма? Продукт взаимодействия людей. Свободны ли люди в выборе той или иной общественной формы? Отнюдь нет. Возьмите определенную ступень развития производительных сил людей, и вы получите определенную форму обмена... и потребления. Возьмите определенную ступень развития производства, обмена и потребления, и вы получите определенный общественный строй, определенную организацию семьи, сословий или классов, - словом, определенное гражданское общество. Возьмите определенное гражданское общество, и вы получите определенный политический строй, который является лишь официальным выражением гражданского общества» (М., Э. т. 27, стр. 402).

В конце концов, Михаил Александрович все же создал свое экономическое учение, однако в весьма далекой от коммунизма стороне... В уже упомянутом «Катехизисе», для установления «свободы» Бакунин требовал отмены права наследования. Такое требование у него на первом месте в «экономическом» разделе документа. Это весьма показательное! Выходит, речь идет о переманах в распределении богатства. О том, как оно производится, речи практически нет. Бакунинский документ лишь коротко замечает, что «Интеллектуальный и свободный труд по необходимости будет ассоциированным трудом». Но эту истину знали уже первобытные люди, когда коллективно организовывали охоту. А для того чтобы «свободным» работникам создать свою ассоциацию, разве обязательно свергать власть капитала? Переход СССР на рельсы частного капитализма начался именно со «свободного» кооперативного движения!

У Маркса в «Критике Готской программы» мы находим иной подход: «Всякое распределение предметов потребления есть всегда лишь следствие распределения самих условий производства. Распределение же последних выражает характер самого способа производства. Например, капиталистический способ производства покоится на том, что вещественные условия производства в форме собственности на капитал и собственности на землю находятся в руках нерабочих, в то время как масса обладает только личным условием производства - рабочей силой. Раз элементы производства распределены таким образом, то отсюда само собой вытекает и современное распределение предметов потребления. Если же вещественные условия производства будут составлять коллективную соб-

ственность самих рабочих, то в результате получится также и распределение предметов потребления, отличное от современного. Вульгарный социализм (а от него и некоторая часть демократии) перенял от буржуазных экономистов манеру рассматривать и трактовать распределение как нечто независимое от способа производства, а отсюда изображать дело так, будто социализм обращается преимущественно вокруг вопросов распределения. Но когда истинное отношение давним-давно уже выяснено, к чему же снова возвращаться вспять?»

Далее. В «Народном деле» Бакунин пишет: «Так как свобода есть результат и самое высшее выражение солидарности, то есть взаимности интересов, то она может быть осуществлена полностью лишь при условии равенства. Политическое равенство может быть основано только на равенстве экономическом и социальном. Осуществление свободы через равенство - вот справедливость».

Мы, конечно, помним, что лозунги свободы, равенства и братства (или солидарности) был лозунгом Великой французской буржуазной революции. Помним и то, что все их буржуазная революция реализовала лишь формально. Правда, XIX век в большой степени был веком мелкотоварного производства. А большинство мелких производителей, действительно, более-менее равны друг другу экономически, а значит, однотипны социально и политически. Кстати, эта эпоха до сих пор вызывает ностальгию у иных социалистов. Но для достижения своего идеала им нужно повернуть колесо истории назад, что всегда называлось «реакцией»...

Лозунг экономического равенства, если он не дополнен программой ликвидации рынка и наемного труда, остается лозунгом мелкого собственника. В этом случае и лозунг социального равенства становится только дежурной фразой, за которой нет реального содержания. Не помогает и следующее далее у Бакунина требование «Передачи земли в пользование сельскохозяйственным ассоциациям, а капитала и всех орудий производства - индустриальным ассоциациям работников». Выходит капитал не устраняется, а только меняет хозяина. Следуя логике Бакунина, общество должно разбиться на ассоциации, которые будут разделены собственностью. После этого им, разумеется, ничего не останется, как начать торговать друг с другом своими продуктами. Рынок, прибыль, конкуренция и неизбежное следствие всего этого - имущественное неравенство, все это наследие капитализма теоретик анархизма, фактически, переносит тем самым в новое общество!

Подтверждением этому служит и следующий отрывок из «Революционного катехизиса»: «(...) 5) Благосостояние и свобода как народов, так и отдельной личности абсолютно солидарны, отсюда - абсолютная свобода торговли, деловых отношений и передвижения между объединенными в федерацию странами. Упразднение границ, отмена паспортов и таможен. Каждый гражданин, входящий в федерацию страны, должен пользоваться всеми гражданскими правами во всех других странах той же федерации и иметь возможность легко приобрести в них все политические права и права гражданства». Но ведь все это, так или иначе, уже существует в объединенной Европе, причём без всякого свержения капитализма!

Очень важен тезис об «абсолютной свободе торговли». Выходит, наш вывод о сохранении, по Бакунину, в новом обществе товарно-денежных отношений не был ошибкой!

Маркс же видел победу над капитализмом именно в преодолении товарно-денежных отношений, а коммунизм - обществом уже изжившим торговлю, понятия «прибыль» и «стоимость». В «Критике Готской программы» Маркс отмечает: «В обществе, основанном на началах коллективизма, на общем владении средствами производства, производители не обменивают своих продуктов; столь же мало труд, затраченный на производство продуктов, проявляется здесь как стоимость этих продуктов, как некое присущее им вещественное свойство, потому что теперь, в противоположность капиталистическому обществу, индивидуальный труд уже не околным путем, а непосредственно существует как составная часть совокупного труда». Но далее Маркс выясняет, как выглядит низшая фаза коммунизма, где еще действует обмен между обществом и работником и буржуазный принцип распределения «по труду»: «(...) Соответственно этому каждый отдельный производитель получает обратно от общества за всеми вычетами ровно столько, сколько сам дает ему. То, что он дал обществу, составляет его индивидуальный трудовой пай. Например, общественный рабочий день представляет собой сумму индивидуальных рабочих часов; индивидуальное рабочее время каждого отдельного производителя - это доставленная им часть общественного рабочего дня, его доля в нём. Он получает от общества квитанцию в том, что им доставлено такое-то количество труда (за вычетом его труда в пользу общественных фондов), и по этой квитанции он получает из общественных запасов такое количество предметов потребления, на которое затрачено столько же труда. То же самое количество труда, которое он дал

обществу в одной форме, он получает обратно в другой форме».

Но Бакунин идет дальше: «Так как свобода каждого человеческого существа неотчуждаема, то общество никогда не потерпит, чтобы кто-нибудь юридически продал свою свободу или как-либо иначе распорядился ею по контракту в пользу какого-либо другого лица иначе, как на основании полнейшего равенства и взаимности. Однако оно будет не в состоянии помешать тому, чтобы мужчина или женщина, совершенно лишённые чувства личного достоинства, стали к другому лицу и без контракта в отношении, носящие характер добровольного рабства, но оно будет рассматривать таких лиц как живущих за счет частной благотворительности и, следовательно, лишит их пользования политическими правами на все время такого рабства». («Революционный катехизис») Следовательно, судьбоносный для XIX века процесс массового превращения мелких собственников в наемных рабочих объясняется утратой последними «чувства личного достоинства»! А поскольку отношения между пролетарием и работодателем (по контракту или без него) не оставляют места для «полнейшего равенства и взаимности», Бакунин смелой рукой революционера лишает пролетариев всех политических прав. У работодателя-собственника же эти права революционер оставляет. Получается, главный признак «свободной» личности - собственность...

Из приведенного отрывка видно, что Михаил Александрович считает появление класса пролетариев делом случайным и весьма аморальным. Между тем, классики марксизма в полемике с другим русским революционером Петром Ткачевым в ответ на его утверждение «У нас нет городского пролетариата это правда, но зато у нас нет и буржуазии... Нашим рабочим предстоит борьба лишь с политической властью: власть капитала у нас еще в зародыше. А вам, милостивый государь, небезызвестно, что борьба с первой гораздо легче, чем борьба с последней» отвечали: «Переворот, к которому стремится современный социализм, состоит, коротко говоря, в победе пролетариата над буржуазией и в создании новой организации общества путем уничтожения всяких классовых различий. Для этого необходимо наличие не только пролетариата, который совершит этот переворот, но также и буржуазии, в руках которой общественные производительные силы достигают такого развития, когда становится возможным окончательное уничтожение классовых различий. (...) Следовательно, буржуазия и с этой стороны является таким же необходимым предварительным условием социалистической революции, как и сам пролетариат. Поэтому человек, способный утверждать, что эту революцию легче провести в такой стране, где хотя нет пролетариата, но зато нет и буржуазии, доказывает лишь то, что ему нужно учиться еще азбуке социализма». Словом, появление пролетариата они считали необходимым условием социальной революции, одной из ее материальных предпосылок. По Бакунину же, для такой революции, как мы знаем, достаточно «правильных» идей...

Кстати, из приведенного отрывка следует и то, что отсталость Российской Империи ставила крест на переходе страны к коммунизму независимо от того, кто пытался его осуществить - большевики или анархисты.

Большую роль в свержении российской самодержавия Бакунин отводил крестьянской общине. Но, по горькой иронии истории, именно крестьянские общины всегда были экономическим фундаментом азиатского деспотизма, в том числе и для российской самодержавия. Раздробленные, замкнутые на своих полях общины, чтобы составить единый народ, требовали соединяющей их политической надстройки. Это и пробуждало к жизни, делало устойчивой деспотическую монархию. В России с царизмом было покончено как раз тогда, когда крестьянская община изрядно разложилась под воздействием рынка и выделила из своей среды пролетариат.

Хотя радикализм Михаила Бакунина, по сути, не выходит за буржуазно-демократические рамки, мы отдаем должное тому, что для его времени это было прогрессом. Конечно, если забыть о косых взглядах на пролетариев (речь именно о наемных производителей прибавочной стоимости, а не об всех трудящихся, которых Бакунин часто называл «рабочими» и «пролетариями») и идее общеславянской федерации под властью русского царя. Более того, очевидно, что наследие Бакунина содержит гениальные предвидения. Например, в полемике с государственно-чуждыми настроенными сторонниками Маркса он прозорливо утверждал: «Они сосредоточат бразды правления в сильной руке, потому что невежественный народ потребует весьма сильного попечения; создадут единый государственный банк, сосредотачивающий в своих руках все торгово-промышленное, земледельческое и даже научное производство, а массу народа разделит на две армии: промышленную и земледельческую, под непосредственной командой государственных инженеров, которые составят новое привилегированное научно-политическое сословие». («Государственность и анархия») Позже, в СССР похожее устройство общества как раз и считали доказательством победы в стране марксизма. Только это был «марксизм» того рода, о котором сам основоположник научного коммунизма говорил, что если это - марксизм, то он не марксист. Против «государственного социализма» выступал и соратник Маркса Фридрих Энгельс: «...превратить, возможно большее число пролетариев в зависимых от государства чиновников и пенсионеров и организовать наряду с дисциплинированной армией солдат и чиновников такую же армию рабочих. Принудительные выборы под наблюдением назначенного государством начальства вместо фабричных надсмотрщиков - хорошо социализм!» (Сочинения М. и Э. т. 35, с. 140). Так что тут великие революционеры были едины.

Бакунисты за работой